

УДК 631.58

Н.Р. Сухомлинов, В.В. Сухомлинова

Многоземелье как фактор формирования пиротехнического стереотипа природопользования на юге российского Дальнего Востока в период первоначального освоения

N.R. Sukhomlinov, V.V. Sukhomlinova

Multi-Landownership as a Factor of Forming Pyrotechnic Nature Management Stereotype in the South of Russian Far East at the Time of Initial Land Development

Регулярные пожары в природе обусловлены пиротехническим стереотипом природопользования, который представляет собой форму подсечно-огневого земледелия и определяется социально-историческими условиями российского освоения Дальнего Востока.

Ключевые слова: многоземелье, пиротехнический стереотип, залежь, захватное право.

Regular disastrous nature fires are caused by pyrotechnic nature management stereotype that represents a form of slash-and-burn agriculture and is formed by social and historical conditions of Russian Far East colonization.

Key words: multi-landownership, pyrotechnic stereotype, fallow, capture right.

Пиротехнический стереотип природопользования – это сформированная в обществе привычка применять палы с самыми разными целями. Муссонный климат Дальнего Востока дает для этого все возможности [1, с. 154].

Палы широко применяются во многих регионах мира и представляют собой не что иное, как элемент подсечно-огневого земледелия. Одной из основных причин устойчивого существования такого пережитка далекого прошлого является многоземелье, т.е. ситуация, в которой количество освоенных земель превышает возможность их обрабатывать.

Период первоначального сельскохозяйственного освоения российского Дальнего Востока четко делится на два этапа – до 1905 г. и после него. Эти этапы в понимании роли многоземелья в формировании пиротехнического стереотипа природопользования носят принципиальный характер.

Переселенцы первой волны наделялись участками земли из расчета 100 десятин на семью, но при этом земля выделялась не семьям, а общинам. Предполагалось, что общинные земельные наделы будут разрабатываться не сразу, а по мере увеличения численности крестьянской общины, как за счет естественного прироста, так и за счет новых переселенцев. На самом деле в условиях отсутствия должного государственного контроля крестьяне стремились распахать всю отведенную на общину землю и не только ее [2; 3]. В 1861 г. Муравьев-Амурский издал указ о правилах переселения в Приамурье, законодательно закрепив

величину земельных наделов в 100 десятин [4]. Чаше всего это была целина, поросшая лесом, что, конечно же, сильно осложняло первоначальное освоение. В итоге у крестьян оказывалось такое количество земли, которое сами они в создавшихся условиях интенсивно обрабатывать не могли. Причем к такому выводу пришли уже первые исследователи дальневосточного хозяйства. В начале XX в. в обзорном труде «Колонизационное значение земледелия в Приамурье» говорится о том, что средняя крестьянская семья могла качественно и интенсивно обрабатывать только 10–12 десятин пахотной земли. С учетом сенокосов и пастбищ это число увеличивается до 35 десятин [5, с. 36].

Изобилие земельного ресурса не способствовало интенсификации хозяйства. Процветало захватное право – необремененные государственным контролем крестьяне распахивали земли кто, сколько и где сможет. В результате сформировалась залежная система: на возделанных целинных участках землю обрабатывали 5–10 лет, а затем забрасывали [6]. Залежные участки оставались за тем хозяином, который их распахал. Но это не означало, что через несколько лет хозяин вернется на этот участок, он мог найти лучшие целинные участки [7]. При столь экстенсивной форме землепользования крестьяне быстро выходили за пределы своих 100 десятин.

Важный момент – наличие дешевой рабочей силы. В Приамурье к приходу туда Муравьева-Амурского постоянного китайского населения почти не было.

Поэтому труд китайцев здесь стали использовать только к XX в., когда Китайская империя, опасаясь российской экспансии, не только разрешила, но и активно стимулировала переселение китайцев из центральных районов на Крайний Север. Совсем другая картина сложилась в Приморье. Здесь к приходу русских жили китайцы-земледельцы. Их земли были захвачены русскими переселенцами. Часть китайцев ушла к хунхузам и совершала набеги на русские села, другая часть стала брать бывшие некогда своими земли в аренду. Хунхузы в Приморье в конце концов были разгромлены регулярной армией, а для русского населения сдача земли в аренду китайцам за половину урожая оказалась настолько выгодным бизнесом, что возникло такое явление, как переаренда земли крестьянами у крестьян же с целью сдачи земли китайцам [6].

С 1863 г. в Приморье стали селиться корейцы, которые, в отличие от китайцев, прибыли сюда не на заработки, а на постоянное место жительства. Российское правительство наделяло их землей и предоставляло гражданство. Такое переселение корейцев продолжалось до 80-х гг. XIX в., после чего было прервано российским руководством из опасения преобладания «желтого» населения над русским. Корейцев это, однако, не остановило, поскольку в Россию их гнали голод, перенаселенность и японская оккупация. С 1884 г. корейских переселенцев перестали наделять землей, и все корейское население разделилось на две части: российские подданные, владевшие земельными наделами, и корейцы, не имевшие ни земли, ни гражданства. Новые корейцы стали арендаторами, стимулируя русских крестьян к новым захватам земли.

С начала XX в. русское население Приамурья и Приморья также разделилось на старожилов и новоселов. Мощная вторая волна переселений, порожденная столыпинскими реформами и первой русской революцией, привела к тому, что крестьяне первой волны заселения владели избытками земли, а крестьяне, переселявшиеся позднее, приходили на земли, которые уже кем-то были захвачены. Выход из положения заключался в аренде земли у старожилов и, конечно же, в новых захватах.

У крестьян была полная свобода в выборе места жительства. Обычной была практика, когда переезжали целыми поселками, чаще всего по причине истощения земли. Все эти перекочевки целыми обществами происходили при поддержке администрации и часто с выплатой очередных подъемных, что развращало крестьян и не способствовало их переходу на интенсивные формы земледелия.

Переселенцы новой волны сначала жили в бараках Хабаровска, Владивостока и Благовещенска, в то время как их ходоки выбирали место. Выбрав место, они приписывались к существующим обществам или организовывали свои. При вхождении в общество

новосел за деньги или за работу приобретал у старожила «посевы», т.е. разработанные пашенные угодья, брал в аренду «мягкую» (уже распаханную) землю. Распашка целины или старой залежи сулила лучшие урожаи, но многие новоселы не могли себе этого позволить, поскольку не имели лошадей и инвентаря. Выкуп земли был редкостью, чаще практиковалась аренда. Старожилы охотно сдавали в аренду землю, уже не приносящую прежних урожаев, а сами распахивали целину [8].

Особое значение имел казачий вопрос. Казаки, в отличие от крестьян, не могли переезжать с места на место и иметь землю в собственности. Для компенсации тягот военной службы казаки наделялись землей не по трудовой норме, а с большим запасом. Этот излишек мог быть ими использован только путем сдачи его в аренду китайцам, корейцам или, реже, крестьянам-новоселам [8].

Несмотря на гигантские земельные наделы и почти неограниченные возможности их расширения, весь уклад хозяйства казаков, по мнению Г.Е. Грум-Гржимайло, стоял на низкой ступени развития, у населения не замечалось ни малейшей склонности и старания к его улучшению, в то время как уровень жизни нельзя было назвать высоким, а питание – полноценным. «Никто решительно не заботится о более тщательной обработке земли, культуре каких-либо иных сортов злаков, о разведении более рослого и сильного скота, об улучшении своего продовольствия и т.д. Одно лишь стремление господствует над всем, проявляется и в большом, и малом – расширить свое хозяйство. Каждый казак старается захватить под посев как можно больше земли, распахать как можно более залогов, причем нередко его пашни разбросаны клочками верст на 10–15 от станицы. Он старается завести как можно больше лошадей, хотя мелких и слабосильных, возможно больше крупного рогатого скота, отгородить поскотину верст на 15, накопить тысячи копен сена и т.п. <...>».

Запахивание больших участков требует много труда, много лошадей и большого количества овса для их прокормления; езда на отдаленные пашни и обратно отнимает много времени. А между тем вследствие плохой обработки земли и небрежного посева урожаи получаются в большинстве случаев не блестящие» [4, с. 540].

Параллельно с русским крестьянским переселением на Дальнем Востоке существовало и переселение корейских крестьян. Корейские поселения по своему правовому статусу ничем не отличались от русских. Но и поныне корейское отношение к сельскохозяйственному труду существенно отличается от русского. В отчете экспедиции Комзета по обследованию в 1927 г. Бирско-Биджанского района Дальневосточного края приводится сопоставление казачьих и корейских хозяйств. «В составе денежного дохода

в казачьем хозяйстве первое место принадлежит промыслам, затем идет продажа скота и продуктов скотоводства и лишь третье место занимают зерновые продукты. У корейцев на первом месте стоит продажа продуктов земледелия, на втором – продажа скота, и лишь на третьем – промысловые доходы» [9, с. 215]. Разница между корейскими и казачьими селами состояла еще и в том, что один и тот же налог изымался из территорий разных размеров. Казачьи хозяйства были крайне экстенсивны и основаны на многоземелье, корейские малоземельны и хорошо адаптированы к условиям муссонного климата. Соответственно корейское хозяйство могло обойтись без палов, казачье – нет.

Столь разный подход к ведению сельского хозяйства в одних и тех же условиях можно объяснить менталитетом и особенностями заселения российского Дальнего Востока. Корейский менталитет сформировался в условиях длительно существующей перенаселенности на небольшой территории, где сельское хозяйство велось на малых участках с преобладанием кропотливого ручного труда. Российский менталитет отражает условия жизни на больших территориях с разнообразными условиями, с частыми переселениями в необжитые районы и с постоянной военной угрозой извне. Русскому человеку всегда было куда переселяться, а состояние перенаселенности и малоземелья длилось недолго и не распространялось на весь этнос.

Таким образом, на Дальнем Востоке в первоначальный период его освоения сложилась парадоксальная ситуация. Сюда приехали крестьяне, которые в течение многих поколений жили в условиях малоземелья и вели хозяйство, давно миновавшее стадию подсечно-огневого земледелия. Соответственно пиротехнический стереотип природопользования должен был исчезнуть не только из практики, но и из менталитета. Однако, попав в регионы нового освоения с необъятными просторами дикой природы, они повели себя так же, как их далекие предки времен раннего неолита. Все стереотипы природопользования, в соответствии с которыми крестьяне вели хозяйство в метрополии, здесь были быстро забыты.

Иными словами, переселенцы на Дальний Восток, равно как и на все «сибирские окраины» (в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан, Киргизию), дичали, попав в дикие условия, и начинали мыслить и вести себя как полукочевые земледельцы времен первоначального освоения. Они были пришлыми, чужими людьми на чужой земле. Обилие эксплуатируемых ресурсов создавало представление об их неисчерпаемости, а природа (особенно лес для выходцев из южных степных губерний Европейской России) казалась враждебной стихией, с которой следует бороться и которую нужно покорять. Ситуацию усугубляли недостаток сил и средств, а также слабый контроль со стороны государства в период первоначального освоения, когда территория проживания еще не стала территорией самоидентификации, проще говоря – родиной. Варварские формы природопользования не приводили к исчерпанию ресурсов при жизни одного поколения, но увеличивали их доступность. Государство не препятствовало диким формам природопользования, а учитывая оплату подъемных, льготы и защиту армии, скорее стимулировало падение уровня культуры сельского хозяйства до почти первобытного.

В результате у дальневосточников сложилось странное отношение к огню. Он стал не только средством борьбы с непривычной природой и орудием труда в условиях неустроенности быта и сельскохозяйственного производства, но и своего рода средством общения с природой и получения удовольствия от производимых разрушений, которые интерпретируются как преобразование и даже улучшение.

Как всякая социальная привычка, имеющая глубокие корни, пиротехнический стереотип природопользования обладает сильной живучестью. Современные дальневосточники почти каждый год неделями, а то и месяцами живут в дыму от лесных пожаров. При этом многие из них не усматривают причинно-следственной связи между привычным выжиганием прошлогодней травы и катастрофическими пожарами, не осуждают традицию применения палов и вообще не видят в этом проблемы, несмотря на стремительную деградацию экологической среды.

Библиографический список

1. Сухомлинов Н.Р. Пиротехнический стереотип природопользования как глобальная проблема // Естественно-географическое образование на Дальнем Востоке : сборник материалов региональной научно-практической конференции (Биробиджан, 15–17 октября 2008 г.) / под науч. ред. В.А. Колосова, В.Г. Шведова. – Биробиджан, 2008.
2. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. – Благовещенск, 1913.
3. Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей / сост. В.А. Закревский // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Приложение к вып. V. – СПб., 1911.
4. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / под ред. П.П. Семёнова. СПб., 1894.
5. Колонизационное значение земледелия в Приамурье / сост. С.П. Шликевич // Труды командированной по Высо-

чайшему повелению Амурской экспедиции. – СПб., 1911. – Вып. 5.

6. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования крестьян-переселенцев Амурской и Приамурской области // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. М., 1896. – Т. 2, вып. 2.

7. Сухомлинов Н.Р. Захватное право в период первоначального сельскохозяйственного государственного освоения на юге Дальнего Востока в конце XIX – начале XX веков: реализация и последствия // III Раддевские чтения.

Время. События. Люди : материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию ЕАО (19–20 ноября 2009 г., Биробиджан) / сост. Е.В. Кузнецова ; гл. ред. О.П. Журавлёва ; правительство ЕАО, ОУНБ им. Шолом Алейхема. – Биробиджан, 2009.

8. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. – СПб., 1911. – Вып. 1.

9. Отчет экспедиции Комзета 1927 г. по обследованию Бирско-Биджанского района Дальневосточного края (Биробиджана) / под ред. В.Р. Вильямса. – М., 1930.